ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Упоров И. В. Истоки и развитие российской правовой мысли об институте уголовного наказания (XVIII – начало XIX в.) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 6 (июнь). – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2019/193038.htm.

ART 193038 **DOI 10.24411/2304-120X-2019-13038** **УДК 343.979**

Упоров Иван Владимирович,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Краснодар
uporov@list.ru

Истоки и развитие российской правовой мысли об институте уголовного наказания (XVIII – начало XIX в.)

Аннотация. *Раскрываются особенности начального периода в процессе формирования в России теоретических воззрений об институте уголовного наказания. Отмечается, что истоки русской правовой мысли по этому поводу следует относить к соответствующим рассуждениям Петра I в его толкованиях в текстах правовых актов. Со второй половины XVIII в. исследование данной проблематики постепенно активизируется, она находит отражение в «Наказе» Екатерины II, сочинениях С. Е. Десницкого, А. Н. Радищева и других мыслителей, которые имели более философский, нежели юридический, характер и носили отпечаток европейской культуры. С начала XIX в. появляются полноценные научные труды российских правоведов (И. Е. Нейман, О. Г. Горегляд, Л. А. Цветаев и др.), где был расширен предмет исследования различных аспектов уголовного наказания. В целом разработанные тогда идеи по-прежнему актуальны и составляют основу современных представлений об уголовном наказании в сфере правовых отношений.*
Ключевые слова: *наказание, правовой акт, Петр I, Екатерина II, государство, возмездие, преступление, предупреждение, наука.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Развитие российской науки на системном уровне берет отсчет, как известно, с середины XVIII в., и тогда в числе приоритетных были естественные науки, которые ассоциируются с великим русским ученым Ломоносовым. Не была обделена вниманием история, правда, со значительным иностранным участием. Юриспруденция же как наука еще находилась, можно сказать, в зачаточном состоянии. Это касается и осмысления института уголовного наказания, о котором пойдет речь в данной статье. И в этом смысле особенностью развития российской правовой мысли о наказании является то обстоятельство, что в качестве ученых, высказывавших некоторые теоретические позиции на этот счет, были российские монархи, хотя, разумеется, не все. Прежде всего, необходимо назвать Петра I, который был велик не только в практическом реформировании российского государства, но и в своих рассуждениях о разных сферах жизни общества. Такие рассуждения разбросаны по множеству документов, и многие из них носят научный характер. В отношении уголовного наказания мысли Петра I можно обнаружить в нормативно-правовых актах, часть из которых он писал собственноручно [1], что является исключительной редкостью для руководителей российского государства (таких в истории нашего Отечества было, пожалуй, всего четыре – Петр I, Екатерина II, Ленин и Сталин). Е. А. Желонкиной отмечается, что в XVIII в. законотворческая деятельность российского государства «ограничивалась переводом иностранного закона (шведского, датского, голландского и т. д.) на русский язык и объявлением его российским законом» [2]. И действительно, заимствований было много, особенно в годы правления Петра I. Но вряд ли такой подход следует

оценивать только негативно. Ведь для заимствования нужно сначала иметь целеполагание, определить объект и предмет заимствования, адаптировать заимствования на российской земле, а это фактически уже элементы научного исследования. Например, если в России не было необходимых законов, то почему не использовать зарубежный опыт, чтобы не тратить десятилетия на создание собственных? В литературе такой подход Д. А. Пашенцевым определяется как «российская законотворческая традиция» [3], и вполне резонно.

Нужно также иметь в виду, что при заимствовании зарубежного законодательного опыта речь все же не шла о буквальном, примитивном переводе текста закона с иностранного языка (чаще всего немецкого, шведского, датского) на русский и его внедрении в правовое пространство Российской империи. Это видно как раз на примере уголовно-правовых отношений, регулировать которые с 1715 г. стал такой военно-уголовный закон, как Артикул воинский [4]. Рядом исследователей убедительно доказано, что на стадии подготовки этого закона Петр I вносил множество собственноручных поправок, и прежде всего в виде «толкований» к артикулам (работы Д. О. Серова, П. О. Бобровского, Н. Н. Обручева, М. П. Розенгейма и др.). Так, к артикулу 37 предпослано следующее толкование: «При сем надлежит судье внимать и осмотреть, что оная тревога из злости ли нарочно, или незапно, или иных ради притчин учинена, и в таком случае надобно упомянутое в вышереченном артикуле наказание убавить, и по разсуждению наказать» [5]. Здесь, как видно, речь идет о необходимости учитывать при назначении наказания характер и степень вины преступника. К этому вопросу Петр I обращается неоднократно, в частности, в толковании к артикулу 87 (учинение пожара): «А ежели учинится сие с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет, яко зажигалщик. А буде же невинно и от неосторожности внезапно: тогда оный от наказания свободен быть имеет. Ибо о внезапном случае никто ответу дать не должен» [6]. Бесспорный интерес для современных криминологов представляет суждение законодателя о назначении наказания за преступление, совершенное в состоянии «когда кто пьян напьется» (артикул 43), – в этом случае преступление должно наказываться «вящшею жестокостию», поскольку «ежели такое дело приключится, которое покаянием одним отпущено быть не может, яко смертное убивство и сему подобное: ибо в таком случае пьянство никого не извиняет, понеже он в пьянстве уже непристойное дело учинил» [7]. Довольно своеобразно объясняется предупредительная цель уголовного наказания в толковании к артикулу 137 (бунт, возмущение): «В возмущении надлежит винных на месте и в деле самом наказать и умертвить. А особливо, ежели опасность в медлении есть, дабы чрез то другим страх подать, и оных от таких непристойностей удержать (пока не разширитца) и более б не умножилось» [8]. В толковании к артикулу 154 (убийство) речь идет о необходимости при назначении наказании отграничивать умышленную и неосторожную вину: «Но надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась. А ежели сыщется, что убиенной был бит, а не от тех побоев, но от других случаев, которые к тому присовокупились, умре, то надлежит убийцу не животом, но по разсмотрению и по разсуждению судейскому наказать, или тюрмою, или денежным штрафом, шпицрутеном и протчая» [9].

Конечно, это не результаты научных исследований в современном их понимании, но нельзя не видеть, что в петровских «толкованиях» и иных подобных записях наблюдаются определенные теоретические обобщения. Следует заметить, что некоторые из приведенных толкований содержались и в предшествовавших нормативно-правовых актах, например, в Соборном уложении 1649 г. говорилось о цели наказания в том смысле, «чтоб на то глядя, другом неповадно было», причем эта формулировка (в несколько измененных вариациях) встречается 19 (!) раз. Однако в Уложении это

юридическая норма, которую к науке трудно отнести даже косвенно, а в Артикуле воинском к юридическим нормам добавляются «толкования», то есть делается некоторый шаг вперед с точки зрения развития научности в сфере юриспруденции.

Следующий заметный этап связывается уже с правлением Екатерины II, которая, так же как и Петр I, практиковала собственноручные проекты нормативно-правовых актов. Однако при этом императрица, очевидно, не без влияния уже функционировавшей российской академии наук со всеми ее атрибутами, формализовавшими авторские рассуждения как научные изыскания, предпочитала делать комментарии не в текстах законов, а в виде отдельных сочинений. Так, в 1767 г. выходит в свет известный труд Екатерины II – Наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения [5] (далее – «Наказ»), который в литературе не без оснований определяется как «теоретический трактат» [11]. Текст «Наказа» не свободен без заимствования идей и текстов, почерпнутых из работ ряда европейских государственных деятелей и мыслителей либерального толка. По мнению О.А. Омельченко, «Наказ» примерно на 80% состоит такого рода заимствований [12], который в настоящее время, очевидно, можно было бы квалифицировать как плагиат. Собственно, и сама Екатерина II признавалась в том, что «Наказ» во многом являлся пересказом трудов Монтескье («О духе законов»), Беккариа («О преступлениях и наказаниях») и других просвещенных европейцев.

Тем не менее следует согласиться с российским дореволюционным правоведом Н. Неклюдовым, который в комментариях к учебнику уголовного права, расположенных в самом учебнике, отмечал, что указанное обстоятельство (о заимствованиях) не может умалять достоинств «Наказа», так как «Наказ» представляет собой «эпоху в истории развития уголовных начал в России» [13], и, кроме того, впервые в истории России предпринята попытка «построить Уголовное уложение на твердых и единых началах теории», не нужно также забывать, подчеркивает Н. Неклюдов, что в «Наказе» достаточно и собственных суждений Екатерины II. К этому мы можем добавить, что в «Наказе» Екатерина II ставила прежде всего, конечно, законопроектные цели, и в этом смысле с большой долей вероятности можно предположить, что проблема заимствования чужих мыслей для императрицы не стояла, тем более что она скрывала заимствования – важнее было привнести в правовое пространство России передовые юридические идеи европейских государств (другое дело, что этого сделать и не удалось, хотя своим «Наказом», по мнению Т. Л. Мигуновой, императрица опередила свое время на три-четыре поколения [14]). Важно также иметь в виду, что «Наказ» фактически являл собой первый фундаментальный правовой труд научного характера, и поэтому даже с учетом отмеченных выше заимствований есть основания считать, что именно «Наказ» дает отсчет системной российской правовой науке.

Это касается и института уголовного наказания, которому в «Наказе» уделяется немало внимания, и прежде всего в этом смысле представляет интерес глава X «Наказа» под названием «Об обряде криминального суда». Сначала Екатерина II внимание больше обращает на практические вопросы правоохранительной деятельности, связанные прежде всего с судопроизводством. Здесь, в частности, ставится вопрос о том, что заключение преступника в тюрьму на период предварительного расследования само по себе является наказанием, поэтому такую меру следует применять с осторожностью, убедившись в том, что подозреваемый с высокой долей вероятности «в преступление впал». Но даже, пишет императрица, если есть все основания заключить гражданина в тюрьму, то его в тюрьме следует содержать столько, сколько нужно для выяснения его виновности (в «Наказе» использование обобщенного термина «гражданин» в сугубо сословной стране с крепостным правом, на наш

взгляд, являлось знаковым стремлением Екатерины II привнести в российскую правовую культуру европейские мотивы). В связи с этим она пишет: «Когда тюрьма не столько будет страшна, сиречь, когда жалость и человеколюбие войдут в самые темницы и проникнут в сердца судебных служителей, тогда законы могут довольствоваться тем, чтоб определить, кого взять под стражу... содержание под стражей должно длиться сколь возможно меньше, и быть снисходительно, сколь можно» [15]. Как отмечает известный российский пенитенциарист И. Я. Фойницкий, в такого рода рассуждениях наблюдается если еще не уважение к человеку, то, во всяком случае, «сожаление и сострадание» к тем, кто подергается уголовным наказаниям [16].

О европейском векторе рассуждений императрицы свидетельствует негативное отношение к пыткам по отношению к обвиняемым, подчеркивание необходимости следования принципу неотвратимости наказания («весьма нужно, без сомнения, чтобы никакое преступление, ставшее известным, не осталось без наказания» [17]). Криминологический интерес представляют рассуждения о применении различных видов уголовного наказания. Так, по поводу смертной казни она указывает, что ее следует применять тогда, если преступник, уже заключенный в тюрьму, тем не менее, обладает «средствами и властью возмутить народное спокойствие» [18]. Что касается телесных наказаний, то Екатерина II, допуская их в принципе, не считала возможным изувечивающие наказания. Вместе с тем, например, наказание в виде «рвания ноздрей» для осужденных в каторгу она допускала, и это показывает, что ее «европейскость», конечно, была относительной. Напомним, что в «Наказе» речь идет лишь о намерениях императрицы, так и не воплотившихся в жизнь, а в реальности, конечно, российское государство существенно отличалось от Европы – так, «европейскость» Екатерины II не стала препятствием для квалифицированной смертной казни Пугачева («четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь»), равно как для «негодования» по поводу французской революции [19].

Затрагивая затем теоретические аспекты, императрица высказывается по поводу жестокости наказания, указывая на то, что таковая «бесполезна, а следовательно и несправедлива», и далее, в продолжении этой мысли: «чтоб наказание произвело желаемое действие, довольно будет и того, когда зло, оным причиняемое, превосходит добро, ожиданное от преступления, прилагая в выкладке, наказывающей превосходство зла над добром, так же и известность наказания несомненную и потеряние выгод, преступлением приобретаемых. Всякая строгость, превосходящая сии пределы, бесполезна, и, следовательно, мучительская». Исходя из такого рода постулатов, делается вывод о том, что наказание, которое суд определяет преступнику, должно быть «потребно для общества», а значит, оно должно быть «умеренное, сколь можно, при данных обстоятельствах, уравненное с преступлением и точно показанное в законе» [20]. Укажем еще на трактовку Екатериной II предупредительной цели наказания. Ранее мы отмечали, что Петр I формулировал этот тезис очень кратко. Здесь же рассуждение довольно наукоемкое и основанное на сравнении эффективности смертной казни и длительного лишения свободы: «смерть злодея слабее может воздержать беззакония, нежели долговременный и непрерывно пребывающий пример человека, лишенного своей свободы для того, чтобы наградить работою своею чрез всю его жизнь продолжающеюся, вред им сделанный обществу. Ужас, причиняемый воображением смерти, может быть гораздо силен, но забвению в человеке природному оный противостоять не может. Правило общее: впечатления в человеческой душе стремительные и насильственные тревожат сердца и поражают, но действия их долго в памяти не остаются. Чтоб наказание было сходно с правосудием, то не

должно оному иметь большего степени напряжения как только, чтоб оно было довольно к отвращению людей от преступления» [21]. В другом месте она пишет о необходимости «возвратить заблудшие умы на путь правый».

Помимо Екатерины II свои мысли по поводу наказания в XVIII в. как до нее, так и в годы ее правления высказывали также С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, В. Н. Татищев, И. А. Третьяков, М. М. Щербатов и др. (общая направленность их рассуждений в целом также связывалась с некоторой либерализацией уголовного законодательства) [22], однако целенаправленных рассуждений, подобных екатерининским, как по масштабу, так и по системности и глубине мысли, очевидно, не было. Нужно также иметь в виду, что соответствующие суждения на юридические темы высказывались, как правило, государственными чиновниками в рамках законопроектной деятельности, то есть профессиональных исследований в рассматриваемой сфере общественных отношений тогда публиковалось очень мало. В этом контексте нельзя не назвать С. Е. Десницкого – первого русского профессора права Московского университета, прошедшего обучение в Англии и Шотландии, который принимал активное участие в работе Уложенной комиссии как юрист-профессионал, хорошо разбиравшийся во многих отраслях права. В 1768 г. этим ученым был подготовлен труд «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», а потом (в 1770 г.) появился трактат «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» [23]. Многие мысли С. Е. Десницкого (если не большинство) имеют большое сходство с положениями екатерининского «Наказа». Он, в частности, в большей степени делал акцент на моральной стороне, полагая, что подвергнутый наказанию преступник будет терзаться совестью ввиду плохого мнения общества о нем, и в этом ученый усматривал превентивную сущность наказания. Довольно четко, по-европейски он высказался о жестокостях наказания: «разрушать на части и рвать живого по кускам, возя по улицам, есть дело, которого человечество, сколько бы ни было раздраженное на виноватого, не может терпеть» [24]. Столь же четко сформулирована им и другая важная мысль: «всех приключений ни в каком государстве законами не ограничить, того ради необходимость требует в таких непредвиденных случаях дозволить судьям решить и судить дела по совести и справедливости» [25]. Н. М. Коркунов справедливо называл Десницкого «праотцом» русской юридической профессуры, но, на наш взгляд, вклад Десницкого в российскую правовую науку все же недооценен. В этом контексте, имея в виду, что указанные и другие труды Десницкого имели форму записанных речей и были опубликованы только в 1819 г., а «Наказ» Екатерины II был растиражирован в огромном по тем временам количестве, мы можем предположить, что Десницкий имел отношение к созданию «Наказа».

На рубеже XIX–XX вв. появляются сочинения А. Н. Радищева, также обучавшегося за границей и на себе в полной мере испытавшего «европейскость» Екатерины II. У Радищева имеются работы по различным отраслям права (в том числе известен его проект гражданского Уложения, работа «Опыт о законодавстве» и др.), но нас интересуют его рассуждения о наказании, которые по современным меркам носят не столько правовой, сколько философский характер, однако ряд его мыслей об уголовном наказании, бесспорно, относятся к юридической науке, и тем самым этот выдающийся русский мыслитель, на наш взгляд, сделал следующий шаг в ее развитии, выступая в данном случае пусть еще не как профессиональный правовед (он скорее свободный исследователь-гуманитарий, хорошо знающий российскую реальность), но уже и не как чиновник, для которого главная задача не осмысление имевшихся проблем, а их решение в практическом правотворчестве. Радищев, в частности, отмечал, что

прежде, чем наказывать преступников, надлежит устранить условия, толкающие человека на совершение преступления («лучше предупреждать преступления, нежели оные наказывать»). Эта мысль, очевидно, укрепилась у него во время его путешествия из одной столицы в другую, за впечатления от которого, выраженные в известной книге, он сам был подвергнут наказанию. Для этого нужно, чтобы «препятствия, сдерживающие людей от преступлений, должны быть тем сильнее, чем важнее побуждения к совершению преступления …дабы наказания, есть ли они место иметь должны, извлекаемы были не инако, как из натуры самого преступления и не отягощали судьбу каждого выше им содеянного» [26]. Правом налагать то или иное наказание, по мнению Радищева, может только тот, кто «долг имеет пещися о благе общества» [27], при этом само наказание, если иметь в виду его целеполагание, является не «мщением», которое всегда «гнусно», а состоит в том, чтобы быть «примером для воздержания от будущего преступления» [28], а также для исправления самого преступника. Радищев подчеркивал также охранительную функцию уголовного наказания: «казнь законная… как ограда прав и общих и частных, и оплот, постановленный против пороков, всё растлевающих, против неистовства нарушившего, против буйства, всё опровергающего, против неправды, злобы и пагубных их следствий, против злодейств и преступления» [29]. По сути дела, такие идеи в самом концентрированном виде отражают доминирующие воззрения современной российской наказательной политики, за исключением, пожалуй, двух видов наказания, которые Радищев считал нужным внедрить в России (лишение отечества и лишение доброго имени).

В начале XIX в. в России активизируется деятельность по изданию научных трудов по юриспруденции, в том числе в них затрагиваются различные аспекты института уголовного наказания. В числе авторов – Ф. А. Баузе, О. Г. Горегляд, А. П. Куницын, Н. С. Мордвинов, М. С. Нейман, Г. И. Солнцев, Ф. В. Ушаков, Н. И. Тургенев, А. С. Чебышев-Дмитриев и др.; юридические идеи обнаруживаются также в программных документах и работах декабристов. Важно отметить, что в данный период уже складывается совокупность профессоров права, которые, в отличие от прежни времен, могли формировать и относительно свободно (не затрагивая основ абсолютизма) преподавать свои лекционные курсы. Значительно активнее стали издаваться труды российских правоведов. Именно тогда российская правовая наука приобретает привычные сегодня признаки. Институт уголовного наказания исследуется, как правило, в рамках более общих научно-правовых трудов, каковыми тогда являлись прежде всего авторские учебники по уголовному праву. Так, в изданном в 1814 г. учебнике [30] профессор Казанского университета И. Е. Нейман, в частности, обосновывал позицию о том, что право государства наказывать преступников обусловлено необходимостью охранять безопасность в обществе, при этом следует соразмерять наказания содеянному злу, для чего в законе целесообразно сформулировать, насколько возможно, обстоятельства, которые определяют увеличение или уменьшение наказания. О. Г. Горегляд, автор другого учебника, изданного в 1815 г. [31], полагал, что сущность уголовного наказания состоит прежде всего в лишении или умалении чести лица, совершившего злодеяние, и только потом речь может идти о физических страданиях преступника. Интересные мысли о наказании высказывали, помимо указанных, Л. А. Цветаев, П. Д. Лодий и другие российские правоведы начала XIX в. К тому времени российская правовая наука стала получать развитие на профессиональной и свободной творческой основе, ученые стали публиковать полноценные научные труды, при этом они расширяли предмет исследований в сфере содержания, назначения и реализации уголовного наказания, который ранее, до них, был обозначен Петром I, а после них будет исследоваться следующими поколениями сначала императорских, а затем советских и современных криминологов и пенитенциаристов. Важно при этом подчеркнуть, что начальные теоретические идеи об

институте уголовного наказания в своем большинстве прошли проверку временем и по-прежнему составляют основу уголовной политики российского государства.

Ссылки на источники

1. Томсинов В. А. «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель // Законодательство Петра I. 1694–1725 гг. – М., 2014. – С. 23.
2. Желонкина Е. А. Законотворческая техника в контексте культурно-исторического развития России // Философия права. – 2010. – № 1. – С. 95.
3. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 7.
4. Артикул воинский от 26.04. 1715 г. // Российское законодательство X–XX вв. / под ред. А. Г. Манькова. – М.: Юрид. лит., 1986. – Т. 4. – С. 327–365.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Наказ Ея императорского Величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – № 13075, 13096.
11. Мигунова Т. Л. Идеи «Наказа» Екатерины II и особенности правосознания российского общества во второй половине XVIII века // История государства и права. – 2008. – № 8. – С. 22.
12. Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии второй половины XVIII века. – М.: ВЮЗИ, 1989. – С. 34.
13. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и особенная. – СПб., 1865. – С. 258.
14. Мигунова Т. Л. Указ. соч. – С. 22.
15. Наказ Ея императорского Величества…
16. Фойницкий И. Я. Научная разработка истории наказания. – СПб., 1888. – С. 7.
17. Наказ Ея императорского Величества…
18. Там же.
19. Викторский С. Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. – М., 1912. – С. 234.
20. Наказ Ея императорского Величества…
21. Там же.
22. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1990. – С. 340–362.
23. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / под ред. С. А. Покровского. – М., 1959.
24. Там же. – С. 112.
25. Там же. – С. 110.
26. Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. – М., 1949. – С. 399.
27. Там же. – С. 405.
28. Там же. – С. 232.
29. Там же. – С. 404.
30. Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. – СПб., 1814.
31. Горегляд О. Г. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. – СПб., 1815.

Ivan Uporov,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Chair, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar
uporov@list.ru

The origins and development of Russian legal thought about the institution of criminal punishment (XVIII – early XIX century)

Abstract. The article reveals the features of the initial period in the process of formation of theoretical views on the institution of criminal punishment in Russia. It is noted that the origins of Russian legal thought on this matter should be referred to the related reasoning of Peter I in his interpretations of legal acts texts. The study of this problem was gradually becoming more active since the second half of the XVIII century, it was reflected in the "Mandate" of Catherine II, the works of S. E. Desnitsky, A. N. Radishchev and other thinkers who were more philosophical than legal in nature and bore the imprint of European culture. The full-fledged scientific works of Russian jurists appeared at the beginning of the nineteenth century (I. E. Neuman, O. G. Goreglyad,

L. A. Tsvetaev, and others), where the research subject on various aspects of criminal punishment was expanded. In general, the ideas developed at that time are still relevant and form the basis of modern concepts about criminal punishment in the sphere of legal relations.

Key words: punishment, legal act, Peter I, Catherine II, state, retribution, crime, prevention, science.

References

1. Tomsinov, V. A. (2014). “Vsem dolzhno hranit' interes gosudarev i gosudarstvennoj”: Petr I kak zakonodatel'”, *Zakonodatel'stvo Petra I. 1694–1725 gg*, Moscow, p. 23 (in Russian).
2. Zhelonkina, E. A. (2010). “Zakonotvorcheskaya tekhnika v kontekste kul'turno-istoricheskogo razvitiya Rossii”, *Filosofiya prava*, № 1, p. 95 (in Russian).
3. Pashencev, D. A. (2018). “Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya: ontologiya processa”, *Zhurnal rossijskogo prava*, № 8, p. 7 (in Russian).
4. Man'kov, A. G. (ed.) (1986). “Artikul voinskij ot 26.04. 1715 g.”, *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.*, Yurid. lit., Moscow, t. 4, pp. 327–365 (in Russian).
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. “Nakaz Eya imperatorskogo Velichestva Ekateriny Vtoryya samoderzhicy Vserossijskiya dannyj Komissii o sochinenii proekta novago Ulozheniya”, *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe, № 13075, 13096* (in Russian).
11. Migunova, T. L. (2008). “Idei “Nakaza” Ekateriny II i osobennosti pravosoznaniya rossijskogo obshchestva vo vtoroj polovine XVIII veka”, *Istoriya gosudarstva i prava*, № 8, p. 22 (in Russian).
12. Omel'chenko, O. A. (1989). *Kodifikaciya prava v Rossii v period absolyutnoj monarhii vtoroj poloviny XVIII veka,* VYUZI, Moscow, p. 34 (in Russian).
13. Berner, A. F. (1865). *Uchebnik ugolovnogo prava. Chasti Obshchaya i osobennaya*, St. Petersburg, p. 258 (in Russian).
14. Migunova, T. L. (2008). Op. cit., p. 22.
15. Nakaz Eya imperatorskogo Velichestva…
16. Fojnickij, I. Ya. (1888). *Nauchnaya razrabotka istorii nakazaniya*, St. Petersburg, p. 7 (in Russian).
17. Nakaz Eya imperatorskogo Velichestva…
18. Ibid.
19. Viktorskij, S. N. (1912). *Istoriya smertnoj kazni v Rossii i sovremennoe ee sostoyanie,* Moscow, p. 234 (in Russian).
20. Nakaz Eya imperatorskogo Velichestva…
21. Ibid.
22. Nersesyanc, V. S. (ed.) (1990). *Istoriya politicheskih i pravovyh uchenij*, Moscow, pp. 340–362 (in Russian).
23. Pokrovsky, S. A. (ed.) (1959). *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnyh russkih myslitelej. Vtoraya polovina XVIII veka*, Moscow (in Russian).
24. Ibid., p. 112.
25. Ibid., p. 110.
26. Radishchev, A. N. (1949). *Izbrannye filosofskie sochineniya*, Moscow, p. 399 (in Russian).
27. Ibid., p. 405.
28. Ibid., p. 232.
29. Ibid., p. 404.
30. Nejman. I. E. (1814). *Nachal'nye osnovaniya ugolovnogo prava*, St. Petersburg (in Russian).
31. Goreglyad, O. G. (1815). *Opyt nachertaniya rossijskogo ugolovnogo prava. Ch. 1. O prestupleniyah i nakazaniyah voobshch*e, St. Petersburg (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук,
членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	25.02.19	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	10.04.19
Принята к публикации *Accepted for publication*	10.04.19	Опубликована *Published*	30.06.19

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)
© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2019
© Упоров И. В., 2019